

УДК 341+346.7

**НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В СФЕРЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЦИФРОВОГО РЫНКА****Д.С. МАРКЕВИЧ, О.Р. КОЧЕРГА***(Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск)*

Предлагаются направления гармонизации концептуальных подходов к правовому регулированию общественных отношений в сфере использования цифровых технологий для проведения согласованной политики на евразийском пространстве. Рассмотрен опыт наднационального регулирования в рамках СНГ, ЕАЭС, а также Европейского Союза; выделены наиболее общие тенденции. Авторами разработаны и обоснованы предложения по совершенствованию договорно-правовой базы в рамках евразийского интеграционного пространства. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях перспектив интеграции по вопросам формирования единого цифрового рынка, а также при разработке механизмов правового регулирования общественных отношений в сфере цифровой экономики.

Ключевые слова: *цифровая экономика, гармонизация правового регулирования, цифровые технологии, право ЕС, евразийская интеграция.*

Введение. С развитием общественных отношений в сфере цифровой экономики объективно формируется необходимость системного пересмотра сложившихся подходов и механизмов правового регулирования, что обуславливает трансформацию договорно-правовой базы на уровне ряда международных и региональных объединений, союзов. Важным становится устранение всевозможных барьеров, которые препятствуют развитию цифровой экономики, главными из которых выступают правовая неопределенность, а также наличие в национальном законодательстве норм, необоснованно налагающих ограничения на деятельность субъектов в сфере цифровизации.

Проблемы международного сотрудничества в сфере цифровой экономики не так давно стали предметом научного исследования в зарубежной и отечественной литературе, отдельным аспектам формирования единого цифрового рынка ЕС посвящены работы Н.С. Ревенко, Е.С. Гущина, К.С. Хатчинсона, О.Ю. Якимова, А.И. Соловьева, В.П. Куприяновского, С.А. Соловьева и других. Изучением вопросов обеспечения процессов цифровизации на уровне ЕАЭС занимаются такие исследователи, как В.Е. Понаморенко, Г.В. Петрова, А.А. Кантарович; вопросы регулирования использования финансовых технологий и использования единой электронной валюты отражены в работе Е.Л. Логинова, Ю.А. Романовой, В.Ю. Борталевич. Кроме того, организационно-правовые аспекты обеспечения цифровизации экономики содержатся в документах Европейской комиссии, Евразийской экономической комиссии, Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития, Всемирной торговой организации и др.

Вместе с тем существует необходимость дальнейшего исследования тенденций и перспектив в сфере обеспечения интеграции по вопросам цифровизации национальных экономик в рамках ЕАЭС, а также других интеграционных образований. Прежде всего, необходимо уделить внимание ликвидации правовых, организационных и иных барьеров, препятствующих развитию общих цифровых рынков, а также рассмотреть отдельные направления формирования единого цифрового рынка ЕС с целью возможной адаптации имеющихся моделей для евразийского экономического пространства.

Основная часть. Значительная работа по стимулированию интеграционных процессов в сфере цифровизации проведена в рамках Основных направлений реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 года № 12. Согласно названному документу к направлениям развития цифровой экономики были отнесены: цифровая трансформация отраслей экономики и кросс-отраслевая трансформация, цифровая трансформация рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы, цифровая трансформация процессов управления интеграционными процессами, развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение защищенности цифровых процессов [1]. Для реализации закрепленных в цифровой повестке целей был принят целый ряд специальных актов на уровне ЕАЭС: Решение Евразийского Межправительственного Совета от 1 февраля 2019 года № 1 «О механизмах реализации проектов в рамках цифровой повестки Евразийского экономического союза»; Концепция создания условий для цифровой трансформации промышленности в рамках ЕАЭС и цифровой трансформации промышленности государств-членов Союза (одобрена Распоряжением Коллегии ЕЭК № 166 от 30 октября 2018 года; другие.

Важным условием согласованной цифровизации национальных экономик также служит сотрудничество в рамках СНГ, которое обеспечивается посредством гармонизации информационного законода-

тельства, разработки и внедрения современных приложений ИКТ; совершенствования механизмов взаимодействия государств-участников СНГ по развитию рынка в сфере ИКТ; обеспечения информационной безопасности; регионального мониторинга инфокоммуникационного развития государств-участников СНГ и ряда других мероприятий, нашедших свое отражение в Стратегии сотрудничества государств-участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 года и Плана действий по ее реализации, утвержденной Решением Совета Глав Правительств СНГ от 28 октября 2016 года [2].

Несмотря на ряд положительных тенденций и преимуществ от осуществления названных мероприятий, стоит указать на два основных недостатка, о которых идет речь в Докладе о развитии цифровой (интернет) торговли ЕАЭС: *во-первых*, наличие проблем точечного характера, которые обусловлены необходимостью гармонизации законодательства, а также снижения барьеров или упрощения административных процедур; *во-вторых*, возникновение системных проблем, связанных с глобальной конкурентоспособностью систем и процессов, реализуемых на пространстве Союза [3].

В рассматриваемом контексте целесообразно обратиться к опыту ЕС, в котором с 2010 года в рамках выполнения мероприятий Цифровой повестки дня для Европы началась масштабная и планомерная работа по формированию единых организационных и правовых основ создания единого цифрового рынка ЕС. Основа была заложена сообщениями Европейской Комиссии: «Стратегия цифрового единого рынка для Европы», а также «По направлению к современному, более европейскому авторскому праву», в рамках реализации которых был принят ряд директив и регламентов, а также выполнено несколько проектов, направленных на сближение национального законодательства государств-членов ЕС. Важным условием успешного формирования единого цифрового рынка стали инициативы по поводу сближения национального законодательства государств-членов ЕС в сфере защиты интеллектуальной собственности. Так, заслуживают внимания инициативы по введению Европейского патента, созданию Единого европейского патентного суда, развитию правового регулирования в сфере использования патентных пулов, инновационных ваучеров, инновационного посредничества, а также по унификации права союза в виде единого кодекса авторского права, обеспечивающего, с одной стороны, единообразную эффективную и согласованную защиту прав авторов, в том числе в цифровой среде, а с другой – свободное движение информации, являющейся объектом защиты авторского права, в рамках союзного пространства.

Согласно пресс-релизу Совета ЕС от 15 апреля 2019 года были приняты еще два документа, направленные на создание единого цифрового рынка: Директива об отдельных аспектах, касающихся контрактов на поставку цифрового контента и цифровых услуг, а также Директива по некоторым аспектам, касающимся контрактов на продажу товаров, и о внесении поправок в Регламент (ЕС) 2017/2394 и Директиву 2009/22/ЕС, а также отмены Директивы 1999/44/ЕС. Названные акты должны, прежде всего, обеспечить защиту прав потребителей цифровых услуг и товаров с цифровым компонентом (например, умные холодильники), а также снизить транзакционные издержки производителей, связанные с правовой неопределенностью и необходимостью адаптации имеющихся контрактов к требованиям, существующим на уровне национального законодательства каждого из государств-членов ЕС [4].

Обеспечить защиту прав потребителей цифровых услуг также призван Генеральный регламент по защите данных в ЕС (Регламент 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 24 октября 2016 года о защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных и отменяющий Директиву 95/46/ЕС) [5].

Несмотря на стремительное развитие права ЕС, стоит отметить, что государства-члены по-разному относятся к реализации цифровых инициатив и к имплементации рассматриваемых норм в национальное законодательство. Так, в апреле 2016 года представители одиннадцати стран ЕС (Чехия, Польша, Финляндия, Эстония, Латвия и др.) направили письмо одному из заместителей председателя Европейской комиссии о том, что цифровую экономику следует рассматривать как возможность, а не угрозу существующим отношениям, тем самым критикуя прямое государственное регулирование цифровых платформ. В качестве альтернативы была предложена ориентация на дальнейшее развитие единого цифрового рынка, на создание правовых основ и механизмов, адекватно отражающих потребности цифровой эпохи, подчеркнута необходимость снижения регуляторного бремени для малых и средних инновационных предприятий [6]. Другие государства-члены ЕС (Германия, Франция и Италия) все же предприняли попытки установить специальное регулирование в сфере цифровой экономики, в частности, во Франции принят Закон от 07 октября 2016 года «О цифровой республике» [7].

Расхождение в национальных политиках государств-членов ЕС обусловило развитие иных образований, ставящих перед собой целью сотрудничество государств по вопросам развития цифровой экономики, например, The Digital 9 – объединение цифровых правительств Эстонии, Соединенного Королевства, Республики Корея, Израиля, Канады, Мексики, Португалии, Уругвая; Северный совет – межпарламентский форум, основанный Швецией, Норвегией, Исландией, Данией и Финляндией, в рамках которого на конференции 2017 года «Цифровой Север» была подписана декларация, затрагивающая вопросы под-

держки цифровизации, в том числе через формирование трансграничной цифровой инфраструктуры, устранение технических и правовых барьеров, совершенствование практики государственных закупок, обеспечение информационной безопасности, защиты персональных данных и т.д.; Вишеградская группа (Польша, Чехия, Словакия и Венгрия) – 28 марта 2017 года подписана «Варшавская декларация» по взаимному сотрудничеству в сфере инноваций и цифровых технологий и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наднациональное регулирование в рамках ЕС направлено на упорядочение отношений участников в сфере цифровой экономики при помощи инструментов «мягкого права», в том числе через определение принципов деятельности участников цифрового взаимодействия. Реализация более радикальных мер, в том числе осуществление совместных проектов, и трансформация национального законодательства зависят от степени открытости экономики, а также политики, проводимой правительством в рассматриваемой сфере. При этом важным условием формирования общего рынка цифровых услуг является разработка совместных механизмов по защите прав потребителей, а также установление единых правил для поставщиков и производителей.

Еще одним аспектом является налаживание эффективной защиты интеллектуальной собственности, которая может быть обеспечена при условии проведения гармонизации законодательства. Так, для ЕАЭС В.Н. Лопатиным выделены следующие наиболее проблемные вопросы в данной сфере: определение системы охраняемых объектов интеллектуальной собственности, а также механизмов гражданско-правовой и таможенной защиты, отсутствие единого понимания категории контрафактной продукции, а также методов по противодействию распространению контрафактной продукции [8, с. 24].

Следующим направлением совершенствования правового регулирования общественных отношений в сфере цифровой экономики может стать гармонизация подходов по регламентации оборота цифровых активов. В настоящее время в Республике Беларусь и Российской Федерации сложились разные подходы к определению правового режима многих базовых категорий цифровой экономики. В данном контексте в качестве примера можно обозначить криптовалюты и токены, именуемые криптоактивами. В первую очередь, необходимо отметить существенные различия в определении соотношения рассматриваемых понятий. В частности, проект Федерального закона Российской Федерации «О цифровых финансовых активах» № 419059-7 [9] (далее – проект Федерального закона) предусматривает наличие родового понятия – цифровой финансовый актив (далее – ЦФА), который представляет собой имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств. В свою очередь, и токен, и криптовалюта выступают разновидностями ЦФА. При этом в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 года № 8 «О развитии цифровой экономики» [10] (далее – Декрет) токен выступает родовым понятием по отношению к криптовалюте.

Кроме того, анализ предложенных определений демонстрирует различие подходов к определению конститутивных признаков рассматриваемых понятий. Так, *Декрет дает следующие определения токена и криптовалюты*: цифровой знак (токен) – запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой; последняя, в свою очередь, представляет собой биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена.

При этом *согласно статье 2 проекта Федерального закона токен* – это вид ЦФА, который выпускается юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем с целью привлечения финансирования и учитывается в реестре цифровых транзакций, а криптовалюта – вид ЦФА, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций.

Как видно, Декрет большее внимание уделяет сущностным особенностям рассматриваемых объектов, в то время как проектом Федерального закона суть рассматриваемых ЦФА раскрывается в основном через их технические признаки. Подобный подход вызывает вопрос: если в качестве конститутивных признаков объектов предлагаются технические характеристики, являются ли они основанием для создания в отношении таких объектов специального правового режима? Очевидно, что указанное целесообразно только в том случае, если технические характеристики предполагаемого объекта правового регулирования придают специфику возникающим по поводу него общественным отношениям, при этом подобные особенности и должны быть отражены терминологически. Полагаем целесообразным учитывать указанное при осуществлении гармонизации подходов к определению правового режима токенов и криптовалюты в рамках ЕАЭС.

Заметны также определенные различия в некоторых вопросах регламентации процедуры ИСО и ее субъектного состава. Например, в соответствии с п. 3.3 Декрета на отношения (деятельность, операции) резидентов Парка высоких технологий с использованием токенов не распространяются законодательство о ценных бумагах, секьюритизации, требования о лицензировании профессиональной

и биржевой деятельности по ценным бумагам. При этом проект Федерального закона распространяет на процедуру выпуска токенов, а также в отношении правового статуса операторов обмена цифровых финансовых активов некоторые положения Федерального закона Российской Федерации 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

Вместе с тем важно учитывать, что режим токена включает в себя право, зафиксированное самим токеном (цифровая репрезентация определенного объекта), а также возникшее в результате такой репрезентации самостоятельное право на токен. И если второе вполне закономерно выступает правом собственности или иным вещным правом, то характер зафиксированного токеном права может быть разнообразным (вещное право, обязательственное право, право на результаты интеллектуальной деятельности и т.д. [11, с. 39]). В этой связи выделяют несколько разновидностей токенов:

- 1) «продуктовые токены», которые могут быть использованы для оплаты сервисов или ценностей, предоставляемых платформой;
- 2) обеспеченные токены – оцифрованные права на традиционные объекты гражданских прав (товары, работы, услуги и др.);
- 3) корпоративные токены, предоставляющие право на получение части прибыли от деятельности платформы и/или участие в ее развитии посредством голосования по определенным вопросам [11, с. 38].

Очевидно, что эмиссия и обращение продуктового токена не требуют регулирования, аналогичного регулированию корпоративного или обеспеченного токена, что свидетельствует о необходимости использования дифференцированного подхода при осуществлении гармонизации правового регулирования оборота криптоактивов в рамках ЕАЭС.

Обобщая изложенное, отметим следующее. Процесс определения правовой природы и режима оборота токенов и криптовалюты в настоящее время представляет собой крайне непростую задачу для каждого отдельно взятого государства, а необходимость выработки гармонизированных подходов к рассматриваемому вопросу в рамках различных интеграционных образований в разы ее усложняет. Принимая во внимание имеющийся в Республике Беларусь и Российской Федерации опыт правового регулирования рассматриваемых отношений и реализации проектов по эмиссии токенов и криптовалюты, представляется возможным осуществление гармонизации подходов к определению правового режима обращения криптоактивов в рамках Союзного государства (например, посредством принятия нормативного акта Союзного государства) и дальнейшее использование указанного опыта при формировании единого цифрового рынка в рамках ЕАЭС.

Также некоторые различия наблюдаются и при определении правовой природы и режима смарт-контрактов. В целом смарт-контракт по своей природе и функциональным возможностям выступает одновременно в следующем качестве:

- 1) информации в форме программного кода;
- 2) формы договора;
- 3) способа исполнения обязательств по договору;
- 4) способа обеспечения исполнения обязательств по договору.

Анализ подходов к определению правовой природы и правового режима смарт-контрактов, предусмотренных в рамках проекта Федерального закона Российской Федерации «О цифровых финансовых активах» № 419059-7 и Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 года № 8 «О развитии цифровой экономики», позволяет сделать вывод о том, что определения смарт-контракта, содержащиеся в данных актах, отражают различные сочетания указанных выше признаков. Кроме того, ни одним из предложенных в рассматриваемых актах определений смарт-контракта они не учтены в полном объеме.

Необходимо отметить, что рассмотренные качества смарт-контракта определяют его преимущества перед устоявшимися в хозяйственном обороте формами сделок. Целесообразно обеспечить возможность использования указанных преимуществ субъектами хозяйствования государств-членов ЕАЭС даже при отсутствии унифицированных подходов к определению правового режима токенов и/или криптовалют, поскольку функционирование смарт-контрактов как способа исполнения и обеспечения исполнения обязательств по договору возможно и вне связи с указанными категориями. С этой целью возможна разработка и принятие наднационального акта в рамках ЕАЭС, определяющего правовую природу смарт-контракта, порядок и условия его использования, а также отдельные положения процессуального характера, к которым можно отнести порядок судебной защиты прав, возникших по смарт-контрактам, определение места смарт-контракта в системе доказательств; вопросы применимого права и подсудности споров по смарт-контрактам и др. [12]. При этом полагаем целесообразным обеспечить объективное отражение в данном акте всего комплекса признаков смарт-контрактов с целью использования в хозяйственной деятельности всех его функциональных возможностей.

Заключение. С учетом происходящих процессов цифровой трансформации экономики необходимо создание и реализация общих подходов к правовому регулированию экономической деятельности

в цифровой среде. В условиях правовой неопределенности, многочисленных вызовов существующему правопорядку нуждаются в согласованном пересмотре некоторые механизмы по защите интеллектуальной собственности, прав потребителей, а также законных интересов поставщиков и производителей цифровых товаров и услуг.

С учетом опыта ЕС видится необходимость разработки и принятия специального акта на уровне ЕАЭС, в котором следует: определить понятие цифровых услуг, а также товаров с цифровым компонентом; предусмотреть правовые механизмы по защите прав потребителей, в том числе дополнительные обязанности поставщиков в части разработки и предоставления обновлений для программного обеспечения, для потребителей – обязанность их установления и др.; правила определения подсудности по данной категории дел и порядок разрешения споров; распределение бремени доказывания и иные процессуальные гарантии для сторон.

Гармонизация национального законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере защиты интеллектуальной собственности особенно актуальна по вопросам определения системы охраняемых объектов интеллектуальной собственности, противодействия контрафактной продукции и т.д.

Кроме того, создание и функционирование единого рынка цифровых активов в рамках ЕАЭС невозможно в отсутствие унифицированных подходов к регулированию базовых вопросов создания и оборота токенов и криптовалют, что подразумевает, в первую очередь, обеспечение единообразного понимания правовой природы объектов рассматриваемых правоотношений и равных прав и обязанностей субъектов правоотношений в сфере оборота криптоактивов.

Учитывая, что в настоящее время национальное законодательство большинства государств-членов ЕАЭС в рассматриваемой сфере находится на стадии формирования, представляется целесообразным обеспечить унификацию подходов к регулированию криптоактивов в рамках ЕАЭС на наднациональном уровне до принятия национальных нормативных правовых актов, что позволит обеспечить формальную определенность, предсказуемость и стабильность правового регулирования рассматриваемых отношений, которые способны гарантировать эффективную реализацию и защиту прав субъектов экономических отношений.

Принимая во внимание имеющийся в Республике Беларусь и Российской Федерации опыт правового регулирования рассматриваемых отношений и реализации проектов по эмиссии токенов и криптовалюты, представляется возможным осуществление гармонизации подходов к определению правового режима обращения криптоактивов в рамках Союзного государства (например, посредством принятия нормативного акта Союзного государства) и дальнейшее использование указанного опыта при формировании единого цифрового рынка в рамках ЕАЭС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года [Электронный ресурс] : Решение Высшего Евразийский экономического совета № 12 от 11.10.2017 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2003–2019. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F91700293>. – Дата доступа: 02.05.2019.
2. О Стратегии сотрудничества государств-участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 года и Плана действий по ее реализации [Электронный ресурс] : Решение Совета Глав Правительств СНГ от 28 октября 2016 года / Интернет-портал СНГ // СНГ, 2019. – Режим доступа: www.e-cis.info/foto/pages/25825.doc. – Дата доступа: 02.05.2019.
3. Доклад о развитии цифровой (интернет) торговли ЕАЭС [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия, 2019 г. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0133605/pd_06032019. – Дата доступа: 02.05.2019.
4. EU adopts new rules on sales contracts for goods and digital content [Electronic resource] / European Council, 2019. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/04/15/eu-adopts-new-rules-on-sales-contracts-for-goods-and-digital-content/>. – Date of access: 02.05.2019.
5. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC [Electronic resource] / European Union, 1998–2019. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj>. – Date of access: 02.05.2019.
6. Joint Letter from the United Kingdom, the Czech Republic, Poland, Luxembourg, Finland, Sweden, Denmark, Estonia, Latvia, Lithuania and Bulgaria / GOV.UK [Electronic resource] // Government of UK, 2019. – Mode of access: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/513402/platforms-letter.pdf. – Date of access: 02.05.2019.

7. О цифровой республике [Электронный ресурс] : Закон Франции от 7 окт. 2016 г. № 2016-1321 / Всемирная организация интеллектуальной собственности, 2019. – Режим доступа: https://www.wipo.int/news/ru/wipolex/2016/article_0014.html. – Дата доступа: 02.05.2019.
8. Лопатин, В.Н. Проблемы и перспективы евразийского трансграничного пространства доверия при переходе к цифровой экономике / В.Н. Лопатин // Сборник материалов науч.-практ. конф. «Научные чтения памяти профессора В.И. Семенкова» ; Нац. Центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь – Минск : Четыре четверти, 2017. – С. 17–38.
9. О цифровых финансовых активах [Электронный ресурс] : Законопроект № 419059-7 // СОЗД ГАС «Законотворчество» ; Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, 2019. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7#bh_histras. – Дата доступа: 02.05.2019.
10. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
11. Савельев, А.И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений / А.И. Савельев // Закон. – 2018. – № 2. – С. 36–51.
12. Дядькин, Д.С. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования [Электронный ресурс] / Д.С. Дядькин, Ю.М. Усольцев, Н.А. Усольцева // Universum: экономика и юриспруденция. – 2018. – № 5(50). – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/5806>. – Дата доступа: 02.05.2019.

Поступила 30.07.2019

DIRECTIONS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE SPHERE OF LEGAL SUPPORT FOR THE FORMATION OF A SINGLE DIGITAL MARKET

D. MARKEVICH, O. KOCHERGA

The directions of harmonization of conceptual approaches to the legal regulation of public relations in the field of digital technologies for the implementation of a coherent policy in the Eurasian space are proposed. The experience of supranational regulation within the CIS, the EEU, and the European Union is considered; the most general trends are highlighted. Authors developed and substantiated proposals for improving the legal framework within the Eurasian integration space. The results can be used in further studies of integration prospects for the formation of a single digital market, as well as in the development of mechanisms for legal regulation of public relations in the digital economy.

Keywords: digital economy, harmonization of legal regulation, digital technologies, EU law, Eurasian integration.